

Прощальное письмо комбату

Здравствуй, товарищ комбат!

Пишу Вам письмо, потому что, возможно, мы никогда больше не встретимся.

Ноябрьская ночь. Наша диверсионно-разведывательная группа специального назначения в составе 10 человек перешла линию фронта. Территория оккупирована немцами. Я и представить себе не могла, насколько сильным бывает чувство страха. Единая оплошность - и ты мёртв. Без суда и следствия. Но страх становится тупым, как лезвие ржавого ножа, когда от тебя даже на мельчайшую часть зависит победа. Поэтому смерти, несмотря на свои восемнадцать лет, я не боюсь.

В лесу наш отряд напоролся на фашистов. Почти все погибли. Кому-то удалось сбежать. Нас осталось трое. Отступать некуда. Останавливаться нельзя.

Продолжили путь к третьему пункту Сталинского приказа. Нужно уничтожить несколько важных домов. План обговорили быстро, понимая, что мы – чистого рода смертники. Я отправилась в южную часть деревни, Сергеевич - в центральный штаб, а Фёдор – на север.

У меня, ни много, ни мало – пару бутылок с огнём и пистолет. Едва исправный.

Я знала, что могу погибнуть, но это не останавливало меня. Ноябрьский, но такой исконно-русский мороз не способен остудить мою кровь, кипящую, живую, непобедимую.

Пока всё получалось. Я удачливым образом оставалась незамеченной, и огонь пожирал дома с мирно спящими немцами, их лошадей, провизию, как огненный феникс, как настоящий посланник ада. Мне удалось сжечь еще два дома местных. Терпеть не могу предателей. Друг моего врага, сами понимаете. Ну Вы же, товарищ комбат, сами меня так учили.

Возвращаясь с окраины деревни, меня всё никак не отпускала мысль: мы уничтожаем дома с фашистами. А что если... Если до остатка этих гнусных существ дойдёт о поджогах? Они как бродячие псы будут кидаться на любого, кто краем глаза слышал что или увидел. А наши, даже язык не повернётся назвать их «нашими», подожмут хвосты и сдадут ненароком, коль увидели. Нужно уничтожать всех. До единого.

Вечером я попыталась сжечь еще один сарай. Еще немного и это у меня бы вышло, пока я не услышала мужской крик. Хозяйский, судя по всему.

Стрелять смысла не было. Я не успела бы даже поднять курок.

Меня схватили немцы, квартировавшие у него последние пару дней, а может недель или целых месяцев.

Меня заволокли в дом. Допрашивали, в надежде выяснить, сколько нас. Я бы ответила, что бесконечно. Но моя воля приказала мне замолчать. Переводчик с таким противным грубым акцентом переводил мне каждую офицерскую фразу. На что они надеялись? Кто сказал им, что я подобно здешним пугливым псам, выдам всю подноготную? Чушь, да и только.

Я назвалась Таней. Моё прежнее имя стоило забыть. Навсегда.

Какое нечеловеческое зверство царило в глазах этих людей. Меня раздели догола. Били ремнями, палками, да так, что живого места не оставалось. Было больно. Но я молчала.

Потом один офицер взял меня под руки и вывел на улицу. Своим исконно немецким заставлял ходить на морозе. Сначала было холодно так, что сводило каждую клетку тела. После, боль сковала всю меня. Час прошёл? Три? Я не знаю. Эта боль была настолько невыносимая, что мне трудно было даже дышать. Пришлось привыкнуть. Больно было по-прежнему, но терпеть стало возможным.

Оплошность пыток в том, что боль можно подавлять так сильно, насколько ты сам силён духом.

Фашисты, эти звери с бледными острыми лицами, поняли это. Я стала для них бесполезной, ведь не проронила ни слова о своих людях.

Знаю, что утром меня убьют. Знаю, что не просто расстреляют, а соорудят виселицу, повесят мне табличку на шею, будто я клеймёная корова, и станут фотографировать.

Но я клянусь, Вам, товарищ комбат, что приму смерть молча, с гордо поднятой головой, ведь человеку положено сохранять гордость до самой смерти. А я, прежде всего, еще и солдат.

Хочется в последний раз обратиться ко всем, кто ещё жив:

- Граждане! Не сдавайтесь! Надо продолжать воевать! Не бойтесь погибнуть за Родину! Каждая смерть — это достижение.

-Русь! Советский Союз не будет побеждён!

Прощайте, товарищ комбат.

Победа будет за нами!

Ноябрь 1941г.

Писала студентка 4 курса Краснодарского педагогического колледжа

Потехина Алена Юрьевна